

Элизабет Боуэн

ЛЮБОВЬ*

Перевод Л. А. Кац

Жет, правда, все это было очень странно и происходило, словно во сне. А тут еще и Эдна — молчит, словно воды в рот набрала, я и вовсе начинаю сомневаться, а было ли все это на самом деле. Эдна всегда так: ни слова не добьешься, до всего приходится доходить самой. Ну и пожалуйста. Больше я Эдне про это напоминать не буду. А дело было вот как.

Только мы обогнули подножие горы и вышли к лагуне, как во мне шевельнулось какое-то странное предчувствие... День был пасмурным, и, несмотря на сияние моря, все вокруг казалось каким-то неправдоподобным. Мы с Эдной уже еле плелись: пляж был песчаным, идти было трудно, в туфлях было полно песка. Шли мы так уже несколько миль, и, кроме покатых гор и моря, вокруг ничего не было. Вот почему, когда мы обогнули подножье той самой горы и увидели отель, мы просто остолбенели от неожиданности. Лагуна была совсем маленькой, скорее всего чье-то частное владение. Отель стоял довольно далеко от берега, но песок уже начал вплотную подходить к нему. В море торчал крохотный прожаривший пирс. Наверное, когда-то давно отель был выкрашен в розовый цвет, но сейчас краска выгорела на солнце, как, впрочем, и название отеля. Ставни на окнах были наглухо закрыты, за исключением одного окна. Впечатление было такое, будто бы за вами подсматривает мертвец. Лично я терпеть не могу лишних взглядов. Я сказала:

— Похоже, отель сдох.

— Да уж, местечко незавидное, — ответила Эдна.

Отель (он до сих пор стоит у меня перед глазами) был небольшой, двухэтажный, как бы вытянутый вдоль берега. С одной стороны у него была деревянная пристройка — то ли танцплощадка, то ли ресторанчик — за цветными окнами было не разглядеть, но это помещение тоже было наглухо закрыто. Фасад

отеля украшала довольно массивная ажурная металлическая веранда, правда, казалось, что она предназначалась для какого-то другого строения и что вот-вот раздавит своим весом эту самую деревянную пристройку. От веранды вниз шли широкие ступени лестницы и утопали в песке. Я, может, и не разглядела бы эту лестницу, если бы не женщина в ярко-синем платье, которая сидела на верхней ступени и смотрела на нас.

В этот момент Эдна, решив продемонстрировать, что имеет на это право, плюхнулась на песок, сняла туфли и начала неспешно вытряхивать из них песок.

— Так-то лучше, — сказала она. — А ты что стоишь? Давай!

Но мне почему-то не хотелось.

— Глупенькая, это же всего-навсего старый отель.

Я перевела взгляд и увидела воткнутый в песок шит с выгоревшей надписью «Ленч. Чай. Ужин».

— Правда, что такого? Может, мы пришли сюда попить чаю, — сказала я.

— Вечно ты со своим чаем, — не преминула подколоть меня Эдна.

Но по ней было видно, что она сама была бы не прочь выпить чаю. Видели бы вы, с каким чувством она стряхивала песок с юбки. Если работать с кем-то в одной конторе, да еще и в отпуск вместе ездить, характер узнать нетрудно. Как я отношусь к Эдне? Да трудно сказать, просто, раз уж я пока одна, сама по себе, то и мирюсь, конечно, с какими-то вещами. В отпуск одной лучше не ездить. Мы частенько препираемся с Эдной, что поделать, но все-таки в отелях селимся всегда в одном номере. В конце концов, пару недель можно и потерпеть. Обычно мы останавливаемся в тихих курортных местах, где на свои кровные можно неплохо отдохнуть. Мы с Эдной не из тех офисных барышень, что в отпуске охотятся за парнями. Правда, Эдна и не особенно-то привлекательная, а что до меня, то я компаний не люблю. На этот раз мы выбрали не-

* Рассказ написан в 1930-е гг.

плохое тихое местечко, даже можно сказать, стильное, но скучноватое. Вокруг на мили не было ни одного строения, только пляж. Жаль, что мы не прихватили с собой велосипеды. Естественно, мы загорали, вернее, обгорали на солнце. Загорать было, в общем-то, приятно, но если погода стояла холодная или дул слишком сильный ветер, так что в шезлонгах не посидишь, оставалось только бродить по пляжу. Эдну это устраивало, она вообще любительница походов, а мне оставаться одной не хотелось. Мы никогда не удалялись далеко от берега из-за пасшихся на холмах гадких коров. Я, признаюсь, часто ныла, что песок слишком мягкий и что я без конца в него проваливаюсь, на что Эдна всегда отвечала одно и то же: «А что же ты хотела?».

В тот день, о котором пойдет речь, нам оставалось всего пару дней до отъезда, может еще и потому мы как-то слишком далеко зашли. Мне уже давно хотелось пить, но я молчала, чтобы Эдна в очередной раз не подтрунивала надо мной.

— Сомневаюсь, чтобы здесь можно было попить чаю, — сказала я. — По-моему, тут все закрыто.

— А зачем тогда они оставили этот шит? — возразила Эдна. — Если написано «чай», вот пусть и обслуживают нас.

Она даже покраснела от возмущения.

— Посмотри, посмотри! — Эдна показывала на веранду. — У них уже есть посетитель. И она решительным шагом направилась к дому. Я неохотно поплелась за ней — меня настораживало что-то необъяснимое.

Женщина на веранде застыла как на картине и только глазами следила за нами. Мы подошли ближе, и вдруг она как закричит: «Стойте! Стойте! Сюда нельзя!!!». От неожиданности Эдна даже подпрыгнула, но все-таки крикнула в ответ: «Разве это не отель?!». Женщина немного растерялась, но снова закричала: «Сюда нельзя! Вас не пустят!!!». «А тогда что Вы делаете тут?» — не унималась Эдна. Эти слова еще больше озадачили женщину. После паузы она сказала: «А я всегда здесь сижу». Это только раззадорило Эдну. Она подтолкнула меня, и мы прошли мимо женщины, мимо всех закрытых ставен и завернули за дом. Как мы и предполагали, вход в отель был с противоположной стороны. Женщина тотчас начала неистово стучать кулачками в то самое окно, не закрытое ставнями, и кричать: «Берегись! Берегись!»

— Так, — сказала Эдна. — По-моему, это какой-то сумасшедший дом. Тогда зачем надо было писать «Чай»?

С обратной стороны отеля резко поднимался холм, покрытый травой, вернее тем, что от нее осталось — гадкие коровы все здесь выщипали и вытоптали. Мы осмотрелись по сторонам; к счастью, коров поблизости не было. А вот входная дверь действительно была, даже под стеклянным козырьком, правда, кое-где стекла были разбиты. Дверь была заперта, звонок не работал, но Эдну уже было не остановить — она начала колотить в дверь так, что мне же уже расхотелось пить, а захотелось ударить Эдну, чтобы она так не упрячилась. Только я хотела крикнуть: «Эдна, ну пожалуйста, перестань стучать!», как вдруг дверь отворилась, и из нее выглянул молодой человек в рубашке с короткими рукавами. На нем были туфли на резиновой подошве, вот почему мы не услышали, как он подошел. Он не улыбался, но и не хмурился — просто смотрел на нас и все. И почему-то именно отсутствие на его лице какого-либо выражения делало его взгляд почти грубым. Дверь он только приоткрыл, продолжая придерживать ее рукой. Тут Эдна и выпалила:

— Нам два чая!

— Извините, но мы не обслуживаем.

Сказав это, он уже было собрался закрыть за собой дверь, как вдруг Эдна резко плечом навалилась на дверь и сказала упрямо, хотя я умоляла ее молчать:

— Я все-таки хочу знать...

В этот момент я почему-то обернулась, и — о, ужас! — прямо на нас с горы неслись гадкие черные рогатые коровы. Это было целое стадо! Я вцепилась в Эдну, она тоже увидела коров, и мы, даже не успев понять каким образом, оттеснили молодого человека и очутились внутри дома за закрытой дверью. Я тряслась как осиновый лист, а Эдна едва говорила:

— Моя подруга очень боится коров.

В первую минуту мы ничего не видели в темноте, только почувствовали сильный затхлый запах. Дверь, кажется, вела в арку; сквозь закрытые ставни окон, выходящих на море, пробивались узкие полоски света. Когда я начала различать хоть что-то, первое, что бросилось в глаза — это как будто ряд трупов, свисавших со стены. Но, приглядевшись, я поняла, что на вешалке висели старые мужские плащи. Вообще-то, по запаху можно было и сразу догадаться, но темнота и страх сделали свое дело, и неподвижные плащи напугали меня. К Эдне вернулся дар речи:

— Ваши коровы опасны!

— Это не мои коровы, — ответил молодой человек. — А вы что, из города?

На что Эдна только посмотрела на него и снова завелась:

— Так как насчет того шита?

— Какого шита?.. А, вы об этом, — только и сказал он и, бесшумно ступая своими резиновыми подошвами, подошел к окну, и открыл ставни, через которые струился свет. В окне показалось море, и как-то сразу стало спокойнее. Свет из окна осветил холл за аркой; обычных пальм в нем не оказалось, только запыленные зеркала да плетеные, вернее «расплетенные», стулья и столы.

— Да, правда, раньше у нас можно было выпить чаю, — сказал молодой человек. — Сейчас это ни к чему. А вы что, морем сюда пришли?

— А вам-то какое дело? — огрызнулась Эдна.

Он не обратил никакого внимания на ее тон и сказал:

— В общем так. Если в том месте, где вы остановились, вы с кем-то общаетесь, то молчите о том, что были здесь, понятно? Чая здесь больше нет и вообще ничего нет, и мне ни к чему, чтобы местные или неместные совали нос не в свои дела.

Он стоял, скрестив руки на груди и засунув под мышки большие пальцы, и спокойно смотрел на нас с Эдной.

— Кто дал вам право лезть сюда? Какого черта вы ломитесь, мы ведь закрыты, а еще изображаете из себя приличных девушек.

— А впрочем, ладно, — вдруг произнес он с интонацией повелителя. — Вы получите свой чай, но после этого сразу же уберетесь отсюда и будете молчать!

Тут от неожиданности что-то нашло на меня, и я стала говорить, что мы с Эдной совсем не болтушки и что уже послезавтра будем дома в Лондоне, а Эдна, наоборот, начала отказываться от чая, мол, не хочу я ваш чай после всего услышанного.

— Нет, хотите, — уверенно сказал он. — Приличные девушки жить без чая не могут.

Он провел ладонью по столу, оставив след на пыльной поверхности, и с интересом посмотрел на грязную ладонь. Потом почему-то подошел к окну, раскрыл его и, высунув голову, посмотрел сначала вверх, потом вниз. Очевидно, того, что он искал, не нашлось, потому что он опять закрыл окно и сказал:

— О'кей, пойду посмотрю, что у меня осталось.

— В смысле чай?

— Чай, чай. Только при условии, что вы будете сидеть здесь на этих вот стульях.

И он выдвинул два запыленных стула и по очереди усадил нас в них.

— Если посмеете встать, чай вы не получите. Понятно? А если мимо вас пройдет женщина, вы с ней не будете разговаривать, это тоже понятно? Женщина эта, как и вы, не из болтливых.

Он говорил с нами, как с детьми. Мы с Эдной боялись даже переглянуться, правда, она все же улучила момент, чтобы незаметно покрутить пальцем у виска. Но на самом деле что нам оставалось делать, как ни повиноваться, ведь мы были всего-навсего беззащитными девушками, а за дверью нас поджидали коро-вы. Сделав несколько шагов, молодой человек спокойно оглянулся на нас, но вдруг, переведя взгляд на окно, нахмурился. В этот момент в окне показалась та самая женщина в синем платье. Глаза ее были неправдоподобно широко раскрыты. Завидев молодого человека, она снова принялась бить ладонями по стеклу. А так как мы с Эдной сидели в глубине холла, нас она не видела. Губы ее шевелились, но слов не было слышно. На ярком свету платье ее тоже казалось каким-то неправдоподобным. Она все сильнее, уже неистово стучала ладонями по стеклу. Эдна не выдержала:

— Что вы стоите? Она же разобьет так стекло! Впрочем, мне-то какое дело...

Мне показалось, что он даже растерялся на минуту, но потом посмотрел на нас с Эдной так, будто это было его последнее предупреждение. Наконец он бросился к окну, распахнул его, и мы услышали женский вопль:

— Освальд! Ах, Освальд, дорогой!

Он не успел отпрянуть от окна, и женщина с силой обхватила его руками за шею.

— Я не виновата! Я очень внимательно следила, чтобы никто близко не подошел, но их было не удержать. Ах, Освальд, прости меня, прости, пожалуйста! Что же теперь будет? Они пришли за тобой! Я тебя подвела!

Он вращал головой, пытаясь высвободиться из ее объятий, но она только сильнее сжимала тонкие, как плети, руки, на которых болтались золотые браслеты.

— Не волнуйтесь так, мисс Тоуп, — сказал он. — Все в порядке, ничего страшного не случилось, мне правда ничего не угрожает!

— Но они же здесь? Где они?

— Их нет. Они ушли.

Женщина попыталась заглянуть внутрь, и нам с Эдной пришлось вжаться в стулья, чтобы она нас не заметила.

— Но они ведь что-то видели. Они могли догадаться. А вдруг они где-то поблизости? Разрешите мне войти и посмотреть.

— Нет-нет. Если вы войдете, кто же останется на посту? Возвращайтесь на свое место и продолжайте наблюдать. Вы же знаете, что моя безопасность в ваших руках.

Эти слова явно озадачили женщину и заставили ее разжать руки. Она растерянно стояла и смотрела на молодого человека, не отводя глаз.

— Я полностью полагаюсь на вас, — сказал он, четко отделяя каждое слово. Он говорил с ней так, как отец мог говорить с дочерью, хотя она по виду могла сойти за его мать. Она чуть не плакала:

— Тебе правда ничего не грозит?

— Правда, пока вы на посту.

Он как-то по-особенному кивнул ей, и она, взяв себя в руки, тоже кивнула ему в ответ и ушла. Он с минуту подождал, потом закрыл окно и удалился, как ни в чем не бывало.

А мы с Эдной сидели, не шелохнувшись, не произнося ни звука, и даже не глядя друг на друга. Сколько так прошло времени, я не знаю. Мы только слышали, как Освальд где-то достает посуду, потом до нас донесся запах разогреваемой плиты. Должно быть, он не закрыл за собой дверь на кухню, чтобы все слышать....

Вскоре он вернулся. Поставил поднос с чаем на стол и спокойно сказал:

— Вот и чай.

Эдна потянулась за чайником, но он сам взял его, приставил к столу еще один стул и сел с нами. Он был совершенно спокоен. Весь его вид говорил, что это не мы заказали чай, а что он нас угощает, и что нам не надо будет потом платить. Для Эдны было невыносимо чувствовать себя обязанной ему. Она густо покраснела, да и я стыдливо заслонила чашкой. Освальд отрезал нам по куску хлеба от целой буханки, и тут Эдна не выдержала:

— Ну, допустим, мы будем помалкивать. Только нам с подругой хотелось бы узнать, о чем именно надо помалкивать. Вот эта ваша мисс Тоуп, например, что она так бесится?

— Она убеждена, что я совершил убийство.

— Ах, вот оно что. И вы действительно убийца?

— Нет, — спокойно ответил он. — Но она так думает и боится, что за мной могут прийти в любой момент. На самом же деле, это я не хочу, чтобы пришли за ней. Ее разыскивают родственники, чтобы поместить в лечебницу. Им наплевать на ее страдания. Однажды ей удалось их перехитрить, и она сбежала, так что о том, что она здесь, никто не знает. А узнали бы — тут же примчались бы. Им нет

дела до того, какие страдания ее ждут, и что ей, скорее всего, их не пережить. Но я скорее подожду их всех, чем дам дотронуться до нее хоть пальцем. Я ее единственный друг.

— Но не много ли вы на себя берете? — спросила Эдна. — Она же и впрямь ненормальная и может быть опасна. Вон какие у нее сильные руки!

— Мне она ничего не сделает.

— А вдруг она с собой что-нибудь сделает?

— Пока я с ней, ничего не случится.

— А с чего она взяла, что вы совершили убийство?

Говоря о мисс Тоуп, Освальд разгорячился. Он уже не был так спокоен и безразличен. Сейчас он больше походил на мать, оберегающую своего первенца.

— Я сам придумал для нее эту ложь. Если бы не ее родственники, готовые упечь ее в сумасшедший дом, мы бы преспокойно жили здесь, и никто ничего не узнал бы. Но когда она только появилась здесь, она разгуливала, где хотела, ее видели и на дороге, и в деревне. Она была доверчивая, как ребенок, всем рассказывала о себе, и, конечно, люди не могли не заметить ее необычное поведение. Я понял, что скоро о ней станет известно ее родным, и не пройдет и недели, как они явятся сюда за ней, а этого ей уже не пережить. Вот я и придумал эту страшную историю для нее, будто бы меня разыскивают, а она должна меня прятать и все время быть начеку. С тех пор она уже не покидала этого дома.

— Бедняжка! — вздохнула я.

— Да вы же совсем не знаете ее! Она и сейчас такая же прелестная и славная, как в юности.

— Пусть так, — сказала Эдна. — Но она согласилась оставаться здесь, думая, что вы преступник. Вам не кажется, что это только может напугать ее и оттолкнуть от вас?

— Нет, что вы, она никогда не осуждает меня, что бы я ни сделал. Иногда, правда, она плачет и называет меня беднягой. Ведь мы с ней дружим с детства — я был тогда еще совсем маленьким, а она — самой прекрасной девочкой на свете. Наши отцы дружили, хотя жили совсем разными жизнями. Ее отец был одним из самых богатых людей Англии, у него была своя яхта и все такое. Это он помог моему отцу начать свое дело — открыть вот этот отель. А потом майор Тоуп и его дочь мисс Мина часто сюда приезжали со своей, так сказать, свитой. Эта свита повсюду тогда его сопровождала — куда он, туда и они. Наш отель у них был как штаб-квартира. Я хоро-

шо помню, как вечерами ярко светились эти окна, отражаясь на песке, и как мисс Мина в белом кружевном платье сидела на той самой веранде, играла на гитаре и пела. Она была тогда настоящей королевой, и для меня тоже — моя королева! Тогда еще все надо мной смеялись, ведь я всюду бегал за ней. В то время я был еще совсем ребенком...

А потом майор Тоуп разорился, и вся его свита мгновенно испарилась. Майор Тоуп занимался инвестициями, и наверняка многие тогда потеряли свои сбережения. Мой отец полностью доверял ему распоряжаться деньгами, заработанными на этом отеле. Так что когда майор Тоуп обанкротился, мой отец абсолютно все потерял. Майор Тоуп не сумел совладать с навалившимся на него несчастьем и наложил на себя руки. Мой отец тоже вскоре умер. Так что я один остался здесь за хозяина. Еще какое-то время я пытался продолжать дело, устраивая чаепития с закусками, но когда здесь появилась мисс Тоуп, я принял решение окончательно закрыть отель; в его работе уже не было никакого смысла.

— Так надо было убрать тот шит на пляже!

— И это тоже для нее. Однажды я попытался выкопать его, но вы бы видели, что с ней было!

В тот день, когда мисс Тоуп здесь появилась, она сказала:

— Вот я и вернулась, Освальд. Теперь мы можем быть счастливы. Ведь правда, что мы всегда были счастливы здесь?

Она хочет, чтобы все здесь оставалось старому, а я не могу причинить ей боль.

— Все это прекрасно, конечно, но как вы собираетесь дальше жить? — спросила Эдна. — Без посетителей это же невозможно. Вам надо и о себе подумать — ведь вы еще совсем молоды.

На что он невозмутимо ответил:

— Ничего, нормально проживем. Дом этот все еще принадлежит мне, да еще мне приплачивают за пастбище для коров.

— Нет, — возразила Эдна. — Это невозможно!

— Позвольте это нам с ней самим решать.

Он поднялся из-за стола и составил посуду на поднос.

— Вам пора идти. Спасибо за компанию.

Мы тоже встали и невольно посмотрели в окно.

— Нет, нет. Возвращаться вы будете не берегом, а через холм.

Он проводил нас через холл; мы шли и слышали эхо от наших шагов — так пусто там было. Мы снова прошли мимо вешалки, на которой так и остались висеть плащи с той далекой многолюдной поры.

— Спасибо, вы были очень добры, — пробормотала я. — Спасибо за чай и вообще...

— Самой лучшей благодарностью будет ваше молчание, — ответил он.

Освальд приоткрыл дверь, и я вскрикнула: — Эдна, коровы!!!

Он усмехнулся и сказал, что все будет в порядке. Слава Богу, коровы были в тот момент довольно далеко от нас — на вершине соседнего холма.

Освальд проводил нас еще немного вверх по тропинке. Эта же самая тропинка должна была, по его словам, привести нас потом снова вниз, к берегу другой лагуны. Так оно и случилось. Освальд, как и обещал, еще какое-то время стоял с палкой в руке, на всякий случай, если вдруг появятся коровы. Мы шли очень быстро и вскоре совсем выбились из сил. Я еще раз обернулась и снова увидела Освальда. Издалека он казался совсем маленьким, а его отель был похож на спичечный коробок...

Я не сомневалась, что как только мы придем в себя, то наперебой будем обсуждать все увиденное и услышанное. Но Эдна молчала, словно воды в рот набрала. Как ни странно, и у меня пропала охота говорить об этом. Да и что тут скажешь, если не знаешь, что и подумать-то. Нет, правда, все это какая-то полная бессмыслица.

